

Gholam Reza Afkhami. The Life and Times of the Shah. Univ. of California Press, 2009. 740 p.

Иранская революция — одно из главных событий двадцатого века, которое бросает свою мрачную тень на сегодняшний день. И вряд ли от этой тени удастся избавиться, даже если нынешний тегеранский режим падет. Установление в Иране исламистского теократического правительства с мессианскими претензиями, да еще стремящегося обладать оружием массового уничтожения, вдохновляло, вдохновляет и еще долго будет вдохновлять мусульманских экстремистов всех мастей. Тем интереснее попытаться понять, что, собственно, привело к событиям 1978—1979 годов. Почему казавшийся могущественным и неуязвимым шах Мохаммед Реза Пехлеви потерял контроль над страной и был вынужден уехать в эмиграцию? Как могло случиться, что образованные классы Ирана сначала игнорировали темную массу, которая тем временем очаровывалась лозунгами аятоллы Хомейни, а потом оказались бессильными перед ней?

Книга Голяма Резы Афхами «Жизнь шаха и его эпоха» — одна из немногих биографий последнего иранского суверена и едва ли не первая столь подробная и глубокая. Существует довольно много воспоминаний его приближенных, родственников, дипломатов, журналистов и разведчиков. Достаточно упомянуть изданные посмертно дневники премьер-министра двора Асадоллы Алама «Шах и я: частные записки о жизни иранского двора, 1969—1977»¹ или книгу сестры-близнеца Мохаммеда Резы принцессы Ашраф «Лица в зеркале: воспоминания в изгнании»². Вдова шаха, императрица Фарах, несколько лет назад выпустила мемуары «Любовь навсегда», посвященные мужу³.

Да и сам Мохаммед Реза Пехлеви надиктовал в последний год жизни памфлет «Ответ истории»⁴. Однако такой обстоятельной биографии шах еще не удостоивался. Через тридцать лет после его кончины время пришло.

Голям Реза Афхами избрал эпиграфом к своей книге строчку из средневекового персидского поэта Джалалуддина Руми: «Они видели во мне самих себя, но не меня». Афхами не скрывает, что пишет о «Царе царей» и «Свете арийцев» (таковы были некоторые из официальных титулов иранского монарха) с симпатией, точнее, с желанием понять и объяснить мотивы его действий. И пожалуй, у него это получилось.

До революции автор был профессором Тегеранского университета, возглавлял патронировавшийся шахской семьей Национальный комитет Международной программы по борьбе с неграмотностью и даже успел побывать заместителем министра внутренних дел. Поэтому пишет Афхами как человек системы, знакомый с ней изнутри. В книге собраны свидетельства огромного числа людей: шахской семьи, одоббившей идею написания биографии, представителей ближайшего окружения монарха, оппозиции и иностранных наблюдателей. Афхами — не бездумный апологет, а умудренный жизнью изгнанник, который пытается честно разобраться в прошлом. В основном ему это удастся. «Жизнь шаха и его эпоха» — с одной стороны, академическая работа, автор которой пытается проанализировать правление последнего иранского монарха с учетом политического, экономического, мирового контекста. С другой стороны, книга написана так увлекательно, что забываешь — у тебя

в руках семьсот страниц довольно мелкого текста.

Афхами, который сегодня живет в США и работает в Фонде иранских исследований, пишет во введении к своему труду: «История жизни шаха балансирует на грани трагедии. Он <...> роковым образом шел от решения к решению, которые постепенно приближали его к краху. С другой стороны, каждое из этих решений само по себе необязательно вело к катастрофе, пока ситуация не вышла из-под контроля. А она, казалось, из-под контроля не выходила до самого последнего момента» (с. XI «Вступления»). Собственно, в этом парадоксе замкнутого круга и таится загадка падения персидской монархии, которую автор пытается разгадать.

Жизнь Мохаммеда Резы Пехлеви — еще одно доказательство той банальной истины, что семейное воспитание (или его отсутствие) — решающий фактор в становлении человека. Неслучайно первая глава книги называется «Отец». Именно под его влиянием прежде всего сформировался последний шах. Реза был офицером так называемой Казачьей бригады — личной гвардии шахов предыдущей династии Каджаров. Выходец из низов, пробившийся наверх благодаря практическому уму, хитрости, воле и беспощадности к врагам и конкурентам, Реза стал в середине двадцатых годов фактически диктатором Ирана при формально правившем, но ничего не решавшем каджарском шахе Ахмаде. В 1925 году Каджары были низложены решением иранского меджлиса (парламента). Реза задумался было об установлении республики, но прислушался к совету мусульманских религиозных авторитетов и части правящего класса, которые выдвигали знакомый многим в России аргумент: «Народ не поймет, ему нужен царь!» Хотя в тот период неграмотная масса иранцев готова была, наверное, принять любой режим, лишь бы сохранить относительные стабильность и

порядок, привнесенные в жизнь страны твердой рукой малограмотного казачьего генерала после многолетнего хаоса и разрухи.

Специально созданное Конституционное собрание предложило трон Резе. Он короновался 15 декабря 1925 года. Реза основал новую династию под именем «Пехлеви». Пехлеви — язык, на котором в Иране говорили до арабского завоевания страны в VII веке. Стремление путем авторитарных реформ вернуть современному Ирану имперскую славу эпохи легендарных Дария и Ксеркса было доминирующей идеей для отца, а затем и для сына.

Кстати, династическое имя Пехлеви стало первой символической «инновацией» нового монарха: до этого иранцы фамилий не имели. Теперь всем приказали завести фамилию и носить европейское платье. Молодежь тысячами стали отправлять учиться за рубеж, женщинам предоставили гражданские права и заставили их снять паранджу. Евреи также обрели равные со всеми права. Все это вызвало недовольство шиитского духовенства, которое традиционно пользовалось гигантским влиянием на народ и, соответственно, кормилось благодаря этому влиянию. То разгоравшийся, то затухавший конфликт между тронем и Кумом (священным для иранских шиитов городом, средоточием духовных авторитетов) во многом определил трагедию иранской истории в прошлом веке.

Недовольства новый шах не терпел: его войска беспощадно расстреливали учеников медресе или не желавших становиться оседлыми кочевников. Эпоха первого шаха династии Пехлеви была полна противоречий. Жесткая цензура и строительство железных дорог; казни вставших в немилость приближенных и введение школьного образования для девочек; безудержное личное обогащение (Реза стал крупнейшим землевладельцем страны) и создание современной армии, полиции, судов; эмансипация евреев и культ личности.

В общем, отец родившегося в 1919 году Мохаммеда Резы был типичным авторитарным националистом-модернизатором, которых в избытке знает мировая история последних двух-трех столетий. Он верил в технический прогресс и образование как в универсальные методы, которые приведут Иран («земля арийцев» — это название, взамен привычного для Запада «Персия», тоже ввел шах Реза) к процветанию и величию. В понятие «величие» Реза вкладывал приблизительно то же, что и многие российские политики сегодня — «чтобы боялись и уважали». Люди интересовали Резу только как исполнители его грандиозного плана.

Принц Мохаммед Реза, отучившийся пять лет в частной школе в Швейцарии, был более мягким и гибким по натуре, чем отец, которого он очень любил и уважал, но, очевидно, и побаивался. Реза хотел сделать сына подобным себе, и молодой наследник очень старался угодить отцу. Книга Афхами в этом смысле приоткрывает завесу над историей патриархальной семьи, глава которой не особенно задумывался о том, что не все его дети способны и хотят действовать так же, как он.

По-настоящему взрослая жизнь для принца началась в 1941-м, когда СССР и Великобритания оккупировали Иран. Официальным предлогом стали прогерманские симпатии шаха Резы, который вынужден был отречься от престола и отправиться в ссылку в Южную Африку. В «Жизни шаха и его эпохе» приводится масса довольно убедительных свидетельств того, что немецкое влияние на Иран было преувеличено союзниками и Сталиным, которым на самом деле Иран нужен был в качестве перевалочной базы и транспортного коридора. Нейтралитет, официально провозглашенный шахом Резой, лишил всего этого Лондон и Москву. Для Резы, в свою очередь, это конечно же была попытка отсидеться в стороне и посмотреть, кто возьмет верх в мировом конфликте.

Вступивший на престол после высылки отца Мохаммед Реза вплоть до 1946 года оставался почти незаметной и мало-влиятельной фигурой, на которую Сталин, Рузвельт и Черчилль не обращали внимания. Во время Тегеранской конференции осенью 1943-го, Сталин вызывал его к себе на переговоры в советское посольство. Этот факт хорошо запомнился юному монарху. Собственно, в первый раз шах заставил о себе говорить, когда не дал Москве отторгнуть северо-западные провинции Ирана, населенные преимущественно этническими азербайджанцами. Иран — многонациональная страна, в которой племенные восстания и этнический сепаратизм были неотъемлемой частью политического ландшафта и в определенной степени остаются до сих пор. Сталин поддерживал азербайджанцев и туркмен, а Саддам Хусейн спустя пару десятков лет — арабов юго-западной провинции Хузестан. Противостояние с просоветскими сепаратистами в Западном Азербайджане стало своего рода прелюдией к сталинской блокаде Западного Берлина 1948–1949 годов и оказалось едва ли не первым серьезным конфликтом холодной войны. Молодой шах его выиграл, и это позволило ему впервые почувствовать некоторую уверенность в собственных силах. Однако эта уверенность так и не стала абсолютной.

«Мохаммед Реза унаследовал многие из привычек отца, однако по темпераменту он был его полной противоположностью, — пишет Афхами. — Шах Реза был по характеру агрессивным, Мохаммед Реза... даже на пике своего правления оставался застенчивым и сдержанным» (с. 42). На протяжении всей своей жизни он был заложником двух факторов: стремления сохранить власть и держать ситуацию под контролем, с одной стороны, и нежелания прибегать к насилию для достижения этих целей — с другой. И хотя шах

использовал репрессии в борьбе со своими противниками, а политический департамент его спецслужбы САВАК обходился с оппонентами режима весьма жестоко, на фоне большинства диктатур «третьего мира» Иран выглядел далеко не худшим образом.

С первого дня правления шаху Мохаммеду Резе противостояли две силы: левые, пользовавшиеся поддержкой СССР, и значительная часть шиитского духовенства, которая была принципиально против любой модернизации, видя в ней угрозу своему положению в обществе. Шахский двор, спецслужбы и правящий класс сосредоточились в первую очередь на подавлении угрозы со стороны компартии «Туде», напрямую финансировавшейся из Москвы, и со стороны организаций «моджахедов» и «федаинов». Последние сочетали в своей идеологии как исламские, так и левые лозунги и активно использовали в борьбе с шахским правительством террор. Их жертвами стали премьер-министры и генералы, члены кабинета и простые жандармы. Сам шах несколько раз чудом избежал смерти. На протяжении всего правления Мохаммеда Резы обе эти силы периодически заключали тактические союзы. Так было, например, в 1951–1953 годах. Тогда премьер-националист Мохаммед Моссадык провел крайне популярную в народе национализацию Англо-иранской нефтяной компании (АИНК), а затем разорвал дипломатические отношения с Великобританией. На короткий период он стал одним из самых известных политиков в мире. Моссадык был иранским патриотом и демократом-идеалистом, однако он совершенно не разбирался в экономике. Кроме того, премьер совсем не понимал западных лидеров, для которых конфликт не сводился к противостоянию иранского правительства с АИНК. Вашингтон и Лондон рассматривали иранский кризис через призму холодной войны. И здесь у британцев и американцев были серьезные основания для

беспокойства. Коммунисты из «Туде» активно поддерживали Моссадыка и при этом постепенно проникали в госаппарат, армию, полицию. А ведь именно такими методами СССР сумел насадить в Центральной и Восточной Европе просоветские режимы. Со временем Моссадык стал уделять все меньше внимания конституционным нормам и все чаще использовать чрезвычайные полномочия. Он начал демонстрировать замашки авторитарного лидера типа египетского диктатора Гамалы Абдель Насера и фактически стал вести дело к ликвидации монархии. Он также рассорился с шиитским духовенством — не первый и не последний в истории Ирана конфликт между леволиберальной и клерикальной оппозицией. В августе 1953-го Моссадык свергли иранские военные при помощи ЦРУ и при согласии шаха, который тогда допустил свою первую серьезную ошибку. Он покинул страну незадолго до свержения Моссадыка и вернулся, только когда генералы уже сделали свое дело, а строптивый премьер был под арестом. Оставаясь в Тегеране, шах физически рисковал собой и вынужден был бы нести ответственность за все негативные последствия, включая возможный провал восстания против Моссадыка. Однако, возглавив на месте борьбу со стремительно терявшим популярность правительством, он получил бы максимум легитимности в глазах иранцев. Уехав сначала в Багдад, а затем в Рим, он, с одной стороны, свел к минимуму физический риск, но с другой — всю жизнь вынужден был терпеть обвинения в том, что сидит на троне «милостью американцев».

Моссадыка судили открытым судом, дали три года, после чего он вплоть до кончины в 1967 году жил под надзором полиции в собственном имении. Для многих иранских патриотов, да и вообще для левых интеллектуалов во всем мире он до сих пор остается одним из символов антиимпериалистической борьбы, мучеником за интересы своего

народа. Однако есть и другие мнения. По словам критически относящегося к шаху американского историка Сандры Мэки, автора книги «Иранцы: Персия, ислам и душа народа»⁵, многие из тех, кто пережил ужасы исламской революции, косвенно винят в ней прежде всего Моссадыка. По их мнению, заключив союз с духовенством, он сделал радикальный ислам фактором политической жизни страны, а умышленно унижая шаха, превратил его из конституционного монарха в подозрительного автократа.

«Критический монархист» Голям Реза Афхами, как и большинство историков, считает лето 1953-го переломным в биографии Мохаммеда Резы. «Жизнь шаха и его эпоха» так описывает душевное состояние Мохаммеда Резы после возвращения в Иран в августе 1953 года: «Он решил больше никогда не забывать совет отца: “Любой человек, достойный того, чтобы просить его о помощи в неблагодарном труде по строительству государства, при первой же возможности попытается занять твое место”. Он больше не позволит событиям выйти из-под контроля настолько, чтобы это могло угрожать ему. Не заботясь о мнении элиты, он обратится напрямую к народу, который... помог ему вернуть трон. И он сделает все, что сможет, чтобы его подданные зажили лучше и обеспеченнее. Его страна снова будет сильной под его водительством. Иран начнет жизнь с новой страницы» (с. 187).

Заключив стратегический союз с пришедшей на смену Великобритании сверхдержавой номер один — Соединенными Штатами, шах занялся укреплением и модернизацией армии и спецслужб, которые стали опорой трона и не знали отказа ни в чем. Он привлек к решению экономических проблем технократов с западным образованием. В 1963-м Мохаммед Реза торжественно провозгласил начало «Белой революции шаха и народа» — кампании по модернизации жизни

в стране через расширение системы образования, массивную индустриализацию, внедрение новых технологий и земельную реформу. Первые десять лет «Белой революции» превратили Иран в региональную сверхдержаву. Уровень жизни, особенно в городах, рос невероятными темпами, тысячи иранских студентов учились в Европе и Соединенных Штатах, в Иране строились заводы и десятки тысяч квадратных метров нового жилья. Шах искусно поддерживал союз с США, умудряясь при этом не портить отношения с Советским Союзом. Когда после арабо-израильской войны 1973 года цены на «черное золото» взлетели в результате арабского нефтяного бойкота Запада, нефтедобывающая промышленность Ирана стала давать стране по 25 млрд дол. в год. В 1971-м Мохаммед Реза Пехлеви с помпой отметил 2500 лет персидской монархии и государственности. Он стал задумываться о строительстве атомных электростанций, чтобы сберечь надолго нефтегазовые богатства страны. Сторонним наблюдателям казалось, что в Иране наступает «золотой век», который будет длиться без конца.

Для шиитского духовенства реформы шаха виделись продолжением «безбожной» секуляризации его отца Резы и реально угрожали со временем окончательно подорвать влияние мулл. Стремление Мохаммеда Резы опереться на доисламскую историю Персидской империи Кира и Дария как на одну из основных составляющих нового иранского патриотизма, с точки зрения духовенства, было святотатством, отказом от исламской традиции. Для левых, включая коммунистов, нововведения препятствовали преобразованию Ирана по советским лекалам. Выросший до 20 проц. от всего населения средний класс мечтал не о братстве трудящихся, а о покупке нового дома или о поездке в Париж.

Наконец, и для левых, и для шиитского духовенства тысячи западных, прежде всего амери-

канских, специалистов и советников в Иране были символом зависимости от ненавистного и тем и другим Запада. Согласно отдельной договоренности между Вашингтоном и Тегераном американцы жили в особых районах и, не будучи дипломатами, фактически пользовались полным иммунитетом.

И если сначала «Белая революция», казалось, нанесла по позициям оппонентов шаха серьезный удар, то со временем ситуация стала меняться в их пользу. Во-первых, большинство населения страны продолжало жить в сельской местности, где успехи модернизации были намного скромнее, а влияние духовенства — значительно сильнее. Заданный шахом темп реформ для многих оказался слишком высоким. Во-вторых, экономический бум сопровождался сильным всплеском коррупции, затронувшей высшие эшелоны власти и шахскую семью. В-третьих, возможность критиковать политику властей была крайне ограничена. Средства массовой информации находились под полным контролем правительства. В парламенте заседали ручные политические партии, финансировавшиеся и управлявшиеся двором. В 1975 году шах распустил их и создал единственную легальную в стране «Партию возрождения народа Ирана». Членство в ней было обязательным для всех взрослых граждан. Это событие произошло одновременно со спадом на мировом нефтяном рынке, резким снижением темпов экономического роста и падением уровня жизни людей. Все это в совокупности подтолкнуло к быстрой политизации даже тех иранцев, которые до того оставались аполитичными. Тысячи жителей страны, которые за государственный счет учились за рубежом, повидав мир, становились оппозиционерами. Кого-то привлекала западная демократия, кого-то — левые идеи, кто-то увидел за границей лишь безбожие, материализм и разврат и жаждал припасть к чистому источнику исламской традиции. Важно, что

и те, и другие, и третьи считали шаха врагом Ирана.

Сам Мохаммед Реза искренне не понимал, почему его начинания встречают все большее сопротивление. «Моя профессия — король» — мог бы он повторить вслед за ныне покойным иорданским монархом Хусейном, который так и назвал книгу своих воспоминаний⁶. Шах приходил на работу рано, уходил поздно, читал лично все бумаги, без конца принимал государственных деятелей, послов, журналистов, ездил по стране, открывал верфи и плотины, школы и заводы, памятники своему отцу и себе. Он исправно посещал мечеть, причем не по обязанности, а потому что был искренне верующим человеком. К насилию прибегал для борьбы с левыми и исламскими экстремистами, но делал это неохотно.

Бывший премьер-министр двора Асадолла Алам подробно описывал в своих дневниках, как шах отслеживал все отзывы о себе в мировой печати, как обижался на критику и нанимал консультантов по связям с общественностью. Они возили журналистов (прежде всего западных) по «новому Ирану», чтобы те описывали достижения страны на пути к прогрессу и процветанию. Многие из того, что пропагандировало шахское правительство, было не «потемкинскими деревнями», а реальными успехами той авторитарной модернизации, которую начал, но так и не успел завершить Мохаммед Реза Пехлеви. Он искренне верил в то, что правильная постановка пропаганды внутри и вне Ирана поможет переломить ситуацию в пользу династии. Но никакая демонстрация достижений не могла заглушить нараставший с середины шестидесятых годов поток критики, направленной против шаха и его методов управления. Международные правозащитные организации и западная пресса утверждали, что САВАК пытается оппозиционеров, граждане не имеют политических свобод, а в верхах

процветает коррупция. И это было такой же правдой, как и то, что реформы Мохаммеда Резы сделали Иран одной из ведущих держав Азии.

В какой-то степени шаху не повезло: последние пятнадцать лет его правления совпали со взлетом популярности левых идей и антиимпериалистической риторики по всему миру, а также с последней попыткой СССР закрепиться на позиции сверхдержавы путем активного финансирования агентуры и насаждения клиентских режимов в Азии и Африке.

Тем ценнее то, что Афхами посвящает теме САВАК и оппозиции объемистую главу. Он берется разобраться в одном из самых неприятных и болезненных для иранских монархистов вопросе: знал ли Мохаммед Реза о пытках, которые сотрудники САВАК применяли к оппонентам режима? Очень интересно читать приведенную в книге стенограмму интервью, которое, уже будучи в изгнании, шах дал знаменитому британскому журналисту Дэвиду Фросту.

Мохаммед Реза говорит, что «отдельные агенты САВАК» могли принять борьбу с подрывными элементами так близко к сердцу, что «в порыве гнева способны были ударить допрашиваемого... Но такого рода вещи невозможно предсказать». — «Однако, приняв титул “Царя царей”, вы должны нести ответственность за все происходящее в стране, не так ли?» — возражает Фрост, известный своим умением вежливо загонять собеседника в угол. «Я получал от САВАК только доклады по самым важным вопросам внутренней и внешней политики, они не размывались на мелочи, ее сотрудники никогда не докладывали мне: “Мы пытали такого-то или такого-то человека», — пытается объяснить шах. «Может, это и мелочи с глобальной точки зрения, но если учесть, что они нанесли большой моральный урон вашей стране и что оправдания пыткам просто нет,

то “мелочи” на самом деле оказались вовсе не мелочами», — отвечает шаху журналист (с. 387).

Голям Реза Афхами делает трудный для монархиста, но неизбежный для честного историка вывод: никакие ссылки на ненависть к оппонентам и на их, мягко говоря, далекие от идеалов Ганди методы «не оправдывают ни отдельных сотрудников САВАК, ни организацию в целом, ни самого шаха». Афхами резюмирует: «Шах был раздражен и растерян: он не мог защищать пытки, однако при этом пытки имели место. Он не мог связать руки своим людям и при этом ожидать, что они будут бороться с теми, кто в слепой ярости хотел уничтожить и его, и то, что он создал, и то, что он еще мог бы создать... В конце концов, шах решил просто не задавать лишних вопросов» (с. 400–401).

Однако, не желая задавать «лишние» вопросы, Мохаммед Реза не получил очень нужные ответы — и именно тогда, когда они могли спасти трон. «Большая часть политических убийств и покушений на убийство в Иране была делом рук исламских фундаменталистов... Однако работа САВАК была направлена прежде всего против левых, потому что левые были связаны с Западом», — пишет Голям Реза Афхами (с. 396). По мнению автора, шах придавал слишком большое значение своей репутации на Западе. Он до конца не мог поверить, что выпестованное им «поколение реформ» повернется против шахской власти именно потому, что в глазах этого поколения она перестает быть властью иранской, существующей во имя и для иранцев. Стараниями мулл, левых радикалов и Москвы она стала выглядеть как компрадорский, неоколониальный режим. Этот образ был во многом живым и преувеличенным. Но в политике мифы очень часто оказываются сильнее реальности. Более того, они ее подменяют. И Мохаммед Реза, и правящий класс Ирана, и многие искренние представи-

тели антишахской оппозиции осознали свои заблуждения слишком поздно, чтобы остановить неумолимый ход истории.

16 января 1979 года шах, его жена и ближайшее окружение поднялись на борт правительственного «Боинга-707» в тегеранском аэропорту Мехрабад. Незадолго до этого монарх утвердил кандидатуру премьер-министра Шахпура Бахтияра, конституционного монархиста и одновременно либерала-западника, который упразднил политическую полицию, восстановил свободу слова и собраний и надеялся укротить бушевавший почти год шквал народных демонстраций. Миллионы выходили на улицы, требуя смерти шаха, и шли под пули с криком: «Аллах Акбар! Хомейни Рахбар!» — «Аллах велик! Хомейни — наш вождь!». Бахтияр еще надеялся, что официальный повод для отъезда шаха — «лечение и отдых» — оправдает себя и, как и в 1953-м, Мохаммед Реза вернется домой править в соответствии с конституцией и мнением народных представителей. Однако сам монарх понял, что запас легитимности режима исчерпан и в этот раз он уезжает навсегда.

Это был, возможно, самый благородный поступок шаха. Он принципиально отказался отдавать армии приказ утопить народное восстание в крови и надеялся, что его отъезд успокоит страсти. Шах не был ангелом, но он, несомненно, был патриотом и по-своему любил свой народ. Он так и не понял, почему иранцы отказали ему во взаимности.

Спустя две недели, 1 февраля, другой «боинг» приземлился на ту же самую полосу Мехрабада. На трапе показался бородатый старик в черной чалме — аятолла Рухолла Хомейни. Так началась новая эпоха в истории Ирана, Ближнего Востока, да и всего мира. Парадоксально, но сегодня не только монархисты, но и многие левые винят Мохаммеда Резу за то, что он оставил своих сторонников на произвол судьбы, вместо того чтобы, пусть и ценой больших жертв,

предотвратить приход исламистов к власти. Ответ на вопрос «Что было бы, если...», как обычно в таких случаях, останется без ответа навсегда.

Ответственность за иранскую трагедию несут и США, слишком долго слепо доверявшие шаху, а потом бросившие его на произвол судьбы; и СССР, надеявшийся в разгар холодной войны с помощью своих агентов превратить Иран в еще одно государство-клиент; и иранская элита, поглощенная дележкой денег и борьбой за доступ ко двору.

Отдельная ответственность лежит и на самом шахе. Начав масштабную модернизацию, он надеялся облагодетельствовать народ с вершин власти. Мохаммед Реза не учел, что такая политика порождает не только благодарность, которая у любого народа проходящая, но прежде всего безответственность, грозящую обернуться ненавистью, стоит источнику благоденствия слегка обмелеть. Построенная шахом авторитарная система, с одной стороны, не учитывала неготовность значительной части традиционно настроенного иранского общества к резким изменениям, а с другой — изолировала ту умеренную оппозицию и интеллектуалов, которые в обмен на участие в политике готовы были бы помочь шаху добиться большей поддержки тех, кто действительно от его преобразований выиграл. Окружавшие монарха технократы с прекрасным западным образованием не спасли его режим, потому что не были в полном смысле этого слова политиками и целиком зависели от благорасположения шаха.

В прошлом году императрица (по-персидски «шахбану») Фарах Пехлеви принимала меня у себя дома в Париже. Ее Величество — вдумчивый и откровенный человек. Она не считает зазорным признавать ошибки и просчеты династии. Вдова Мохаммеда Резы Пехлеви охотно общается с самым широким кругом иранской оппозиции — от монархистов, которых возглавляет ее

сын, наследный принц и глава шахского дома Реза, до коммунистов из партии «Туде», которые долгое время считались главными врагами шахского трона. Я спросил императрицу, почему шах, обладавший разветвленным аппаратом политического сыска и немалыми средствами, так и не сумел разглядеть опасность, исходившую от аятоллы Хомейни и его сторонников. «Мы упустили из виду необходимость политических преобразований и свобод. Думали, что главное — экономика, социальная сфера. Это было главной ошибкой», — ответила Ее Величество. Впрочем, иранские коммунисты и левые либералы — из числа тех, кого не расстреляли исламские «революционеры» и кто успел сбежать из Ирана — пишут сегодня письма императрице Фарах. Их смысл — также в осознании собственных просчетов: «Если бы мы только знали, что последует за свержением монархии, мы бы попытались найти компромисс с ней».

Вдова последнего шаха и принц Реза, с которым я встречался в Америке, утверждают, что борются за свободный выбор иранского народа, который должен сам решить, какую форму правления избрать. «Прежде всего, я хочу вернуться к себе на родину. А буду ли я там жить как монарх или как простой гражданин — решать иранскому народу. Я заранее принимаю любой его выбор», — сказал мне принц Реза. Семья последнего шаха на собственном трагическом опыте выучила урок истории: легитимность власти лучше всего обеспечивают институты политической свободы, они же помогают и властителям, и гражданам нести общую ответственность за жизнь страны. Книга Голяма Резы Афхами «Жизнь Шаха и его эпоха» — полный драматизма конспект этого урока, который для Ирана пока еще не завершен. ■

КОНСТАНТИН ФОН ЭГГЕРТ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Asadollah Alam. The Shah and I: The Confidential Diary of Iran's Royal Court, 1969–1977.* I. B. Tauris, 2008.

² *Ashraf Pahlavi. Faces in a Mirror: Memoirs from Exile.* Prentice-Hall, 1980.

³ *Farah Pahlavi. An Enduring Love: My Life with the Shah: A Memoir.* Miramax, 2004.

⁴ *Mohammad Reza Pahlavi. Answer to History.* Stein & Day Pub., 1980.

⁵ *Mackey S. The Iranians: Persia, Islam and the Soul of a Nation.* Penguin Group, 1996.

⁶ *Hussein de Jordanie. Mon Métier de Roi.* Paris: R. Laffont, 1975. Русский перевод: *Хусейн бен Талал. Моя профессия — король.* М., 1995.